Общественный сектор экономики и формирование рынка труда на Западе

А.М. Суховский

В работе освещаются взаимосвязи процессов становления общественного сектора экономики и рынка труда в Западной Европе в Позднем Средневековье и Новом времени. В исследовании отстаивается тезис, согласно которому переход от общинной организации производства к рыночной экономике сопровождался дерегулированием отношений работодателя и работника, что в итоге вызвало появление социальных функций у государства и замену общины государственными структурами. Рынок труда не смог компенсировать потери в социальной сфере, вызванные распадом общины. В исследовании доказывается, что рынок труда в Западной Европе был изначально деформированным, поэтому труд в условиях раннего капитализма обладал низкой степенью эффективности.

Народы Западной Европы в Раннем Средневековье восприняли модель общества, характерную для Востока. Собственность на средства производства в условиях восточной модели общественного устройства сконцентрирована в руках общины либо государства как главной общины, управляющей общинами более низкого ранга. Если Античность знала отчуждение работника от средств производства, под которым имеются в виду рабство, близкие к нему формы зависимости и наемный труд, то в Средние века средства производства через коллективное владение принадлежали уже работнику, но не находились в его полной собственности. О частной собственности в средневековой Европе стали вспоминать только после XIII в., но даже тогда она имела номинальный характер, поскольку право распоряжения частной собственностью носило ограниченный характер.

Восточная модель общественного устройства сохранялась в Европе до тех пор, пока не был нарушен баланс между деревней и городом. Из этого обстоятельства и вытекает формирование той модели западной экономики, с которой мы знакомы сегодня. Ускоренная урбанизация и разложение крестьянской общины в Западной Европе приходится преимущественно на XVI — XVIII вв., но предпосылки этих процессов появились раньше, а новая структура экономики Запады сложилась намного позже, на рубеже XIX – XX вв., когда противоречия, порожденные кризисом урбанизации Запады, достигли своей кульминации.

Целью данного исследования является определение связи между формированием рынка и расширением социальной составляющей общественного сектора экономики. В ней отстаивается тезис, согласно которому формирование индустриального капитализма и пролетариата происходило в течение первых трех четвертей XIX в. в условиях слабого развития рынка труда либо его полного отсутствия для ряда сегментов экономики. Поэтому формирование заработной платы в условиях индустриальной экономики далеко не всегда имело рыночные основы, а носило архаический характер назначения зарплаты в соответствии с потребностями работника, как это было при цеховой системе промышленного производства средних веков.

Другим важным тезисом данного исследования является постулирование того, что в результате перехода от цеховой к фабричной форме организации промышленного производства произошло переложение социальной ответственности с работодателя на государство. А это, в свою очередь, проистекало из ложного представления либералов о том, что зарплата в условиях капитализма регулируется рынком.

Община, рынок труда и частная собственность

Примеры частной собственности можно встретить в источниках средневекового права, однако их детальное изучение показывает, что право на распоряжение

частной собственностью и продуктами, произведенными при ее помощи, носили ограниченный характер. В этой связи представляет особый интерес институт «hereditas» в средневековой Испании. «Hereditas» соответствует наследственному земельному владению, однако в испанском городе имелись нормы, ограничивавшие его отчуждение. Горожанин не мог продать земельную собственность, не предложив ее купить перед этим своим родственникам¹. «Hereditas» не мог быть передан лицам духовного звания. Собственность могла быть отчуждена в пользу сельской общины, если земельный участок находился за пределами города и его владелец не обеспечивал его ирригацию. Земельный участок мог быть изъят на муниципальные нужды. В некоторых городах Испании местные законы позволяли городским властям изымать участок и в черте города, если он не застраивался и не обрабатывался.

В более архаичной Ирландии право общины на земельную собственность было столь прочно укоренено, что просуществовало до XIX века, несмотря на английское завоевание страны. Ирландцы вплоть до современности практически не знали индивидуального частновладельческого земельного хозяйства². Во Франции общинные отношения по поводу частной собственности возникали даже в тех случаях, когда городские центры образовывались на землях, которые ранее не находились в чьей-либо собственности.

Можно утверждать, что система поземельных отношений во всей средневековой Европе носила общинный характер. То же самое касается и отношений, связанных с распоряжением продуктами частной собственности. В Кастилии муниципалитетами был установлен потолок цен на промышленные товары, кроме того, устанавливались нормы оплаты труда. Также вводились ограничения на аренду орудий труда в ремесленном производстве. При этом Испания — один из редких для Европы случаев, когда были запрещены ремесленные цеха, но при этом функции контроля над промышленным производством выполнялись городскими властями³.

Однако и средневековый ремесленный цех носил характер общины. Это особо видно по отношениям между мастером и подмастерьем. Если в Кастилии подмастерья были почти бесправны, вплоть до того, что в некоторых городах мастер мог практически безнаказанно их убивать, то на севере Европы присутствовал договорной характер отношений между мастером и подмастерьем. Тем не менее, мастер в шведском варианте обязан был следить за моральным обликом подмастерья, обеспечивать его едой и жильем⁴. Как и в Испании, ремесленники, хоть и объединенные в цеха, находились под жестким контролем городских властей. Наследование частной собственности мастера носило также ограниченный характер. Например, в Швеции сын мастера мог наследовать дело отца только в том случае, если первый был обучен ремеслу⁵.

Разрушение общины должно было привести к деформации всей экономической системы средневекового

Запада. В случае с крестьянской общиной разрушение произошло посредством давления крупных землевладельцев. Вопрос, как разложение общины повлияло на структурирование общественного сектора экономики, и составляет главную тему данной статьи. Прежде всего, надо отметить, что община выполняла до 90% всех функций по социальному обеспечению своих членов, правда, это было характерно в первую очередь для крестьянских общин. В городах, например, в Швеции ремесленные цеха не оплачивали затраты своих членов на медицинское обслуживание. Социальная помощь нуждающимся общинникам осуществлялась в селах через церковный приход.

В Англии первой трети XIX в. действовала система, известная как «Спимхенлэнд», в рамках которой богатые члены прихода должны были платить местные налоги на помощь бедным. Согласно тому же Спимхенлэнду, если работник фермы либо фабрики получал низкий заработок (ниже определенного минимума), то бюджет общины через приход был обязан доплачивать ему недостающую часть зарплаты. Таким образом, проблема бедности решалась в Англии посредством той же системы общинного хозяйствования, берущей свое начало еще в глубокой архаике. Можно констатировать, что в общинной системе Англии в условиях раннего капитализма действовали законы социального распределения, что, в принципе, характерно для всего Раннего Нового времени и Средневековья.

Однако рост городского населения в сочетании с ростом цен на продовольствие стали разрушать систему социального обеспечения Англии. Работодатели отказывались платить зарплату выше самого минимального уровня, зная, что остальное доплатит община. Таким образом, модель социального обеспечения, построенная на компенсационных выплатах, дала трещину. Фирмы предпочитали перекладывать на общины и государство свои расходы, связанные с оплатой труда. Низкие заработки в промышленности провоцировали рост добровольной безработицы, а также иждивенчество⁶.

Старая общинная модель хозяйственного устройства оказалась в каком-то смысле несовместимой с принципами свободы предпринимательства, однако, как мы увидим ниже, фирмы хорошо сумели к ней приспособиться. В Средние века оплата труда регулировалась на Западе государством, так решались проблемы бедности, конкуренции на рынке труда и дефицита рабочих рук, делавшего издержки производства слишком высокими.

Несмотря на развитие капитализма, в Англии первой половины XIX в. труд носил по-прежнему отпечаток средневековых общественных установок. Городские попечительства о бедных, существовавшие при всех приходах, поставляли фабрикантам дешевую рабочую силу, оплата труда которой не регулировалась рынком (собственно, как и в средневековых цехах, работники на английской фабрике назывались

учениками⁷). Поэтому нельзя утверждать, что система Спинхэмленда полностью противоречила капитализму. Как видим, конвергенция средневековых традиций и капитализма в Англии первой трети XIX в. налицо. В дальнейшем законодательство Объединенного королевства разрушает привычно сложившийся общинный уклад в промышленном производстве страны и создает, собственно, сам пролетариат, чьи отношения с работодателем регулируются рынком, а социальные обязанности государства перед работником частично перекладываются на работодателя, что снимало проблему массовой добровольной безработицы.

Интересно проследить хронологию данного процесса. Парламентское исследование по вопросу эксплуатации детского труда привело к изданию закона 1819 г., по которому ранее существовавшие правила применения детского труда были распространены на всех несовершеннолетних до 16-летнего возраста (но только на бумагопрядильных фабриках) и впервые установлен возраст (9 лет), с которого малолетние могли допускаться к работе на фабриках. Этот закон также имел более теоретическое, чем практическое значение. Вскоре лозунгом множества образовавшихся по всей Англии комитетов (short-time committees) было сокращение рабочего времени для рабочих всех возрастов до 10 часов в сутки. Законом 1825 г. работа малолетних на бумагопрядильных фабриках впервые была сокращена по субботам до 9 часов в день⁸.

Законом 1831 г. владельцы фабрик и родственники их были устранены от исполнения обязанностей мировых судей при разборе дел о нарушениях закона на фабриках. В сущности, лишь с этого времени фабричные законы и стали сколько-нибудь существенно применяться. Большую важность имел акт 29 августа 1833 г., распространявшийся на все прядильные и ткацкие фабрики и впервые установивший:

1. различие между подростками и малолетними;
2. медицинское освидетельствование малолетних в пригодности их к фабричной работе;
3. обязательное посещение малолетними детьми школы.

Работа малолетних до достижения 13 лет по этому закону разрешалась в течение не более 9 часов в день или 48 часов в неделю. Для подростков же (от 13 до 16 лет) она оставалась прежней, то есть по 12 часов в день (69 часов в неделю). Ночная работа тех и других запрещалась по-прежнему с 8:30 вечера до 5:30 утра. Кроме того, малолетние должны были ежедневно посещать школу не менее как на 2 часа, причём плата за учение вычиталась из их заработка.

Самым важным нововведением было учреждение особого института инспекции фабричного законодательства. Инспектора стали осуществлять не только надзор за исполнением закона, но и получили все права мирового судьи: они могли преследовать нарушения либо в обычном порядке, в качестве обвинителей или свидетелей перед мировым судьей, либо судить сами и/или совместно с мировым судьей.

Впрочем, права суда инспекция лишилась очень скоро: в соответствии с инструкцией министра внутренних дел (которому фабричная инспекция непосредственно подчинялась) она могла пользоваться своим судебным правом лишь в случаях вполне доказанного пристрастия мирового судьи. Законом 1844 г. оно было и вовсе отнято у инспекторов. Упорное противодействие закону 1833 г. со стороны владельцев фабрик, предсказывавших гибель отечественной промышленности в результате иностранной конкуренции, на первых порах привело к изгнанию малолетних с фабрик. Если в 1835 г., когда закон ещё не вполне вошёл в силу, на 3164 текстильных фабриках было 56455 малолетних, то в 1838 г., на второй год полного действия закона, на 4212 фабриках их осталось 29283. То есть, несмотря на увеличение количества подчинённых надзору фабрик и введение сменной работы малолетних, число их сократилось наполовину. Фабриканты предпочитали вовсе не держать на работе малолетних, чем исполнять новые, казавшиеся им сложными и страшно строгими, правила закона.

Агитация в пользу дальнейшего развития фабричного законодательства и распространения его на прочие виды, промышленности, однако, не прекращалась. Примечателен закон 1831 года, согласно которому, владелец фабрики утрачивал судебные функции, которым в средневековой Англии обладали мастера цехов. Тем самым из хозяйственной жизни и правовой практики устранялся старый принцип организации правовых отношений на промышленных предприятиях.

Знаковым является также и другое обстоятельство: все мероприятия первой трети XIX в., направленные на ограничения эксплуатации рабочих, касались исключительно подростков и малолетних. Большое количество малолетних только на текстильных фабриках при общей численности менее одного миллиона трудящихся в этой отрасли, свидетельствует о том, что труд в британской промышленности расцвета либерального капитализма ещё был далеко не рыночным. Малолетний работник рассматривался как член большой общины, в которой владелец фабрики выполнял также функции воспитателя, то есть точно также, как и в средневековом цехе.

В 1840 г. была назначена первая королевская комиссия под председательством лорда Ашлея для исследования положения рабочих. Практическим результатом её работы было издание в 1842 г. первого закона о горных промыслах, а затем и коренной пересмотр закона 1833 г. Закон 1842 г. воспрещал использование на подземных работах детей до 10-летнего возраста и женщин, а также учреждал особую горную инспекцию.

Для предотвращения обхода закона 1833 г. путём так называемых фальшивых очередей (false relais), то есть перестановки одних и тех же малолетних с одной работы на другую на той же фабрике или работы их в различное время на двух фабриках в течение

всего рабочего дня, законом от 4 июня 1844 г. было точно установлено время работы, перерывов и посещения школы. Работа малолетних была сокращена до 6,5 час. в день (до 1 часа дня или после этого часа) либо определена в 10 час., но через день. Все правила о работе подростков (с 14 до 18 лет) были впервые распространены на женщин. Когда таким образом были достигнуты сравнительно удовлетворительные результаты по отношению работы малолетних, сторонники десятичасового рабочего дня вновь возобновили свои попытки.

Внесённый в парламент Джоном Фильденом билль, по которому работа подростков и женщин немедленно сокращалась до 11 часов в день (63 часов в неделю), а с 1 мая 1848 г. — до 10 часов (58 часов в неделю), почти не встретил сопротивления. Он стал законом 8 июня 1847 г. и его значение для производства видно хотя бы из того, что в числе 544876 рабочих прядильных и ткацких фабрик в 1847 г. было 363796 детей, подростков и женщин. Начало его действия совпало с тяжёлым промышленным кризисом, когда многие фабрики стояли, другие работали в более сокращённом, чем обычно, режиме, так что требование закона совпало с жесткой необходимостью жизни. Но как только оживилась экономическая конъюнктура, фабриканты сразу же начали обходить закон посредством испытанной на малолетних работников системы фальшивых очередей, но теперь уже для женщин и подростков.

Устранить эти нарушения закона можно было лишь сужением пределов и установлением для всех фабрик однообразного рабочего дня, что и было сделано законом от 5 августа 1850 г. Он определил для всех рабочих день с 6 часов утра до 6 часов вечера или с 7 часов утра до 7 часов вечера. Но так как для малолетних оставался в силе закон 1844 г., согласно которому их рабочий день начинался в 5:30 часов утра и оканчивался в 8:30 часов вечера, то для полного согласования двух законодательных актов был принят закон от 20 августа 1853 г., устанавливавший для малолетних те же пределы рабочего дня, что и для подростков и женщин.

Этим законом закончился ряд важнейших постановлений по текстильным производствам. Прекрасные результаты фабричного законодательства на текстильных фабриках сделали для всех очевидной необходимость его распространения на все другие отрасли промышленности. В 1861 г. лорд Шефтсбери (бывший лорд Ашлей) настоял на назначении особой комиссии для исследования всех отраслей промышленности, не подчинённых действию фабричного законодательства.

Эта вторая большая парламентская комиссия, работавшая 4 года, уже не встретила таких препятствий, как первая. Удостоверенное ею явное улучшение материального и нравственного положения рабочих на текстильных фабриках и, несмотря на ограничение рабочего времени, сильно увеличившаяся производительность фабрик привели и фабрикантов,

и общественное мнение к к осознанию: первоначальное противодействие сокращению рабочего времени было ошибкой и дальнейшее распространение фабричных законов не только не будет сопровождаться гибельными последствиями, но, напротив, будет выгодным во всех отношениях.

Последующими законами 1864, 1867 и 1870 гг. все правила действовавших фабричных законов, за некоторыми изъятиями, были распространены на прочие отрасли промышленности. Затруднительность применения законов фабричного законодательства к ремесленным заведениям привела к изданию в 1867 г. для них особого закона. Он отличался менее подробной регламентацией, более широкими пределами рабочего дня и т. п. Ввиду бюджетных соображений, надзор за исполнением этого закона был возложен на местные санитарные власти, вследствие чего закон оставался «мертвой буквой» до тех пор, пока в 1871 г. и это дело не было передано фабричной инспекции.

Все фабричные законы содержали в себе известные ограничения лишь на использование труда несовершеннолетних и женщин. Они не распространялись на работу взрослых мужчин. Все попытки распространения ограничительных правил и на них разбивались о возражение работодателей. Их главный аргумент заключался в том, что «взрослые мужчины могут и сами позаботиться о себе». Однако отчасти потому, что организация фабричных работ тесно связывала мужчин с несовершеннолетними и женщинами, отчасти под давлением рабочих союзов, на практике ограничение рабочего времени было распространено на всех рабочих.

Практические неудобства многочисленных законов, не всегда достаточно согласованных между собой, вызвали кодификацию всех изданных правил. С 1878 г. начал действовать «Акт о фабриках и мастерских», образовавшийся из слияния 16 предшествовавших ему законодательных установлений. Он и не только регулировал работу малолетних, подростков и женщин, но и предписывал ряд санитарных правил по устройству и содержанию рабочих помещений и правил для ограждения рабочих от несчастных случаев.

Закон 1883 г. установил ряд правил по санитарному устройству свинцово-белильных заводов и хлебопекарен. Закон 1889 г. урегулировал проблему увлажнения воздуха и вентиляции на бумаготкацких фабриках. Закон 1891 г., во-первых, повысил возраст, с которого малолетние допускались на работу, до 11 лет; во-вторых, воспретил работу женщин в течение 4 недель после родов; в-третьих, ввёл некоторые новые ограждения безопасности труда рабочих; в-четвертых, установил контроль инспекции над сдельной оплатой труда рабочих; в-пятых, предоставил министру внутренних дел чрезвычайно важное право: объявлять то или другое производство вредным и издавать для таких производств особые правила. Действие фабричных законов было распространено:

- на прачечные; на заведения, раздающие работу на сторону;
- на рабочих, занятых на дому, которые были подчинены надзору инспекции, то есть было положено начало ограничению так называемая «системы выжимания пота» (sweating system).

С 1891 г. в течение четырёх лет работала парламентская комиссия (Royal Commission on Labour), на которую было возложено подробное исследование всех видов промышленного труда с точки зрения санитарно-экономического положения рабочих. Одним из ближайших результатов её трудов было издание закона 1895 г., в котором были: учреждены специальные правила о так называемых наёмных фабриках (tenement factories), то есть фабриках, сдаваемых с двигательной силой и с машинами в наем, по часам, мелким предпринимателям; включены некоторые правила об ограждении рабочих от несчастных случаев; введен надзор инспекции на доках, верфях, пристанях и складах, где производилась погрузка и выгрузка товаров, равно как и на всякое место, где хотя бы временно употреблялась механическая двигательная сила для строительных или других, связанных с ними, работ⁹.

Вплоть до середины XIX в. детский и женский труд оставались преобладающими в английской промышленности, хотя производительность такого труда могла оставаться относительно высокой только в условиях, когда от работника требовалось выполнение очень простых операций. Законодательное обособление работника фабрики как отдельного субъекта общественной системы, не входящего ни в какую корпорацию, создало проблему отношений пролетариата с государством. Оно теперь становилось прямым гарантом прав работника, а также силой, заставляющей работодателя выполнять установленные законодательством социальные обязательства.

Следующей важной проблемой, вставшей перед индустриальной экономикой, была конкуренция на мировом рынке. Если внутренний рынок мог быть защищен протекционистскими методами, то внешний рынок оставался неподвластным государству. Отдельно взятый фабрикант был не в состоянии решить проблему внешней конкуренции, так как она приобретала общенациональные масштабы. В этой связи Англия одной из первых среди индустриальных стран приняла меры по повышению конкурентоспособности своей экономики, применив методы социального характера. В первую очередь это было введение всеобщего образования как средства получения высококвалифицированной рабочей силы. Частному сектору эта функция была не нужна, пусть даже здесь содержалось противоречие — повышение конкурентоспособности есть первоочередная задача любой фирмы. Однако в краткосрочном плане капиталовложения в образование снижали конкурентоспособность фирмы, поскольку росли ее производственные издержки. Так как предприниматель,

скорее всего, руководствуется принципом «деньги как можно быстрее», то инвестиции в будущее могло осуществлять только государство.

После середины XIX в. в Англии созрела потребность во всеобщем доступном образовании, что потребовало его реформирования. Руководитель Отдела образования Форстер аргументировал необходимость реформы образования следующим образом: «От немедленной организации начального образования зависит наше промышленное благополучие. Если большинство наших рабочих останется и впредь необученными, то мы скоро погибнем в международной конкурентной борьбе. От немедленной организации образования зависит и наша национальная мощь»¹⁰. По принятому в 1870 году «Акту Форстера о начальной школе» вся Великобритания разделялась на школьные округа, в которых налогоплательщики избирали школьные советы. Они пользовались довольно широкими полномочиями: там, где не доставало школ, они могли открывать новые, взимать местный школьный налог, решать, должно ли быть посещение школ детьми в возрасте от 5 до 13 лет обязательным и бесплатным.

В 1880 году неопределенность в отношении обязательности посещения школы устранили, предписав обязательное школьное обучение всех детей с 5 лет. Предельный возраст, но не старше 13 лет, устанавливали школьные советы. С 1891 года все школы стали получать субсидии в размере 10 шиллингов в год на каждого ребенка, что сделало начальное обучение фактически бесплатным. О результатах школьной реформы можно судить по тому, что с 1873 по 1893 год число мужчин, не умевших подписаться при бракосочетании, уменьшилось с 18,8% до 5% и женщин — с 24,5% до 5,7%¹¹.

В 1902 году парламент принял новый закон о народном образовании. Он передал дело просвещения в руки советов графств, которые создавали комитеты по народному образованию. Их компетенция распространялась на все начальные и средние школы. Впервые в истории Англии среднее образование стало делом государства. Социальные последствия этого выразились в возможности для менее обеспеченных людей дать детям за умеренную плату или даже бесплатно такую же общеобразовательную подготовку, какую получали дети джентри и крупных буржуа. Кроме того, закон устранял существовавшие до тех пор различия между государственными и частными, фактически церковными, школами.

Фрагментарный рынок труда или рыночная зарплата как иллюзия политэкономии

Но привели ли все вышеозначенные меры к формированию рынка труда в привычном понимании этого слова? Короче говоря, сформировался ли этот рынок в Англии и в других странах Запада на протяжении XIX века, или же это была система, только отчасти

напоминающая рынок? Средневековые структуры и производственные отношения в промышленности оказались очень жизнеспособными даже в первой половине XIX века. Помимо формальных ассоциаций рабочих, действовали неформальные объединения, ограничивавшие доступ в рабочие корпорации и пользование продуктами производства. Ярким примером тому служили французские ассоциации рабочих, которые напоминают ремесленные цеха. Рабочие ассоциации просуществовали во Франции вплоть до 1860-х гг., однако неформальные структуры подобного типа продолжали функционировать и позднее. Мы четко знаем о наличии корпорации парижских шляпников, которая была основана в 1808 году, заменив собой цех шляпников, прекративший свое существование в годы Великой Французской революции¹².

Общество парижских шляпников контролировало в основном цены на готовую продукцию. Но были корпорации, которые ограничивали вхождение в ту или иную профессию, примером чего может служить существовавшая еще до Великой революции ассоциация марсельских грузчиков. В 1848 году 90% участников данной структуры были уроженцами Марселя, а 73% являлись потомственными грузчиками¹³. Данная ассоциация рабочих имела даже свой суд, который успешно функционировал всю первую половину XIX века. Американский историк В. Сьюеллом доказывал, что значительное число профессий во Франции первой половины XIX в. имело частично «закрытый» характер, то есть, были отчасти наследственными. До трети рабочих и ремесленников обычно наследовали свою специальность.

Рынок во Франции первой половины XIX в. хоть и был, но носил достаточно своеобразный характер. Наем работников в основном производился предпринимателями в сельской округе города. Оплата труда нередко не соответствовала реальной тяжести труда и потребностям в восстановлении калорий. Но даже в этих условиях сельские пролетарии соглашались на работу на фабрике, что говорит в пользу аграрного сектора экономики как источника формирования пролетариата. Примечательно при этом то, что городские рабочие часто отказывались трудиться за те деньги, которые предлагались сельским жителям.

Как отмечали исследователи рабочего вопроса во Франции XIX в., выходцы из деревень готовы были переносить тяготы труда и низкую его оплату в силу своей сельской ментальности, но по прошествии одного-двух поколений ситуация менялась. Дети и внуки выходцев из сел превращались в настоящих городских пролетариев и начинали требовать повышения оплаты труда. Можно констатировать, что оплата труда регулировалась, скорее всего, не рынком, а обычаями и нормами потребления новых пролетариев из села, для которых даже половина зарплаты городского рабочего являлась большим благом. То есть формирование рынка труда в первой половине XIX в. во Франции и других странах континентальной

Европы шло благодаря дисбалансу в доходах между городом и деревней.

Однако рынок труда Франции, как и остальной континентальной Европы, отличался двумя характерными особенностями: низкой мобильностью рабочей силы между регионами страны и между отраслями национальной экономики. Кроме того, в некоторых регионах Франции была ослаблена мобильность рабочих между городом и деревней. Например, в Вандее в период реставрации уровень дохода жителей села был намного выше доходов городских пролетариев. Как правило, жители городов отправляли своих детей на близлежащее производство, таким образом, создавалась ситуация привязки трудовой карьеры к одному месту.

Достаточно интересен один факт: на протяжении большей части XIX в. французские фабриканты на северо-западе и востоке страны привлекали на предприятия иностранных рабочих — бельгийцев и швейцарцев, — при избытке рабочих рук внутри страны. Это также может свидетельствовать в пользу тезиса о низкой мобильности рабочей силы во Франции XIX в.

Обращает на себя и половозрастной состав французского пролетариата. Более половины его численности составляли женщины и дети. То же самое было и в Англии. Данный факт говорит в пользу того, что работодатель привязывал зарплату в первую очередь к потреблению, а уже потом к предельной производительности труда и среднерыночной ставке оплаты труда. Историки экономики обычно объясняют данное явление тем, что в легкой промышленности из-за применения машин не был востребован мужской труд, так как на машине мог работать и маленький ребенок. На самом деле все обстояло несколько иначе. Детский и женский труд как во Франции, так и в Англии применялся в таком традиционно мужском деле, как угледобыча. Например, среди 10 тысяч шахтеров угольного бассейна Валансьена более половины составляли дети от 10 до 15 лет и юноши от 15 до 20 лет¹⁴. Женский труд широко применялся на шахтах Англии: например, были широко известны факты работы в штольнях девочек в возрасте 10 — 15 лет.

Распространенность во Франции XIX в. ремесленного ручного прядения также могла означать только то, что даже широкое применение машин долгое время не могло вытеснить из производства ремесленника. Соответственно, эффективность детского и женского труда оставалась невысокой, если ремесленники, преимущественно мужчины, в условиях ручного труда более двух поколений успешно конкурировали с машинным производством.

Вероятнее всего, победа машины над ручным трудом произошла во Франции и во всей континентальной Европе благодаря уходу ремесленников в другие сферы производственной деятельности либо их превращения в наемных рабочих. Но этот процесс окончательно завершается после 1850 года, когда экономическое положение пролетариата, особенно его

мужской части, стало меняться к лучшему. Утверждение Е.М. Кожокина, исследователя социально-экономического развития Франции и ее пролетариата, что вытеснение машинным производством ремесленников затянулось во французской экономике из-за сравнительно с Англией низкой степени механизации промышленности, выглядит несколько натянутым. Им же упоминается, что в 1836 году на французских предприятиях использовалось 1749 паровых машин¹⁵.

Но в Англии в самом начале XIX в. действовали только 321 паровая машина Уатта, и этого вполне хватило, чтобы значительно потеснить в британской промышленности ручной труд и положить начало форсированной тотальной механизации промышленности страны. В это же время в Англии утроился объем выпуска хлопчатобумажной продукции. Конечно же, Англия опережала значительно Францию по количеству паровых машин, так как уже к 1825 году на Британских островах их было порядка 15 000. Но, вместе с тем, и численность английского пролетариата была в то время большей, а также и рынок сбыта британской промышленности — намного шире.

Обращает на себя внимание один важный факт: численность британского и французского пролетариата была примерно одинакова в 1840 — 50-е гг. Это означало, что эффективность ручного труда по-прежнему оставалась в Западной Европе достаточно высокой, поэтому французские предприниматели продолжали употреблять средства на наем работников, но не на покупку машин. У многих французских предприятий не было для этого денег, но они и не уходили с рынка под давлением механизированных фабрик, у которых к середине 1830-х гг. уже было достаточно машин, чтобы совершить тот переворот в производстве, который произошел в Англии в самом начале XIX века.

Но и в самой передовой в промышленном отношении Англии в 1849 продолжали применяться 60 тысяч ручных станков в дополнение к 225 тысячам механических¹⁶. Это обстоятельство говорит в пользу того, что дешевый неквалифицированный машинный труд не был столь эффективным, как было долгое время принято думать. Он существовал во многом за счет своего главного источника — высокой рождаемости среди беднейших слоев деревни и пригородов. В Париже, несмотря на высокую динамику развития машинного производства в эпоху реставрации, в 1848 году из 648¹⁶ владельцев промышленных предприятий около 50% нанимали одного работника либо вовсе обходились без наемной рабочей силы¹⁷.

Данное положение во многом объясняется низкой концентрацией капитала во Франции того времени, но также и слабо развитым рынком труда. Тем не менее, вряд ли стоит отрицать наличие рыночной составляющей в оплате труда рабочих в первой половине XIX в., однако это касалось преимущественно

неквалифицированных рабочих. Если же речь идет о профессиях средней и высокой квалификации, то едва ли зарплата здесь регулировалась рынком труда.

Дело в том, что и полвека после Великой революции во Франции, как и в остальной континентальной Европе, имело место ограничение на приобретение профессий, требовавших высокой квалификации — это срок обучения. Естественно, что для овладения профессией надо было знать грамоту, что было доступно не для всех в условиях массовой неграмотности первой трети XIX в. Таким образом, предложение труда на рынке неквалифицированной рабочей силы в условиях индустриального капитализма первой половины XIX в. не могло быть эластичным. Отсюда большой разрыв в заработках между квалифицированными и неквалифицированными рабочими в XIX веке, достигавший десятикратного и более размеров.

Как только к концу XIX в. проблема с грамотностью в масштабах всей Западной Европы была решена, доля неквалифицированного труда в производстве стала сокращаться и начала расти производительность труда промышленных рабочих в целом. До 1870-х гг. по континентальной Западной Европе доля квалифицированных рабочих в общей массе пролетариата составляла не более 15%. Таким образом, государственные программы по всеобщему образованию сделали настоящий переворот в социально-экономическом развитии Запада.

Тот факт, что в Англии в 1830-е — 1840-е гг. получили широкое распространение работные дома — фактически тюрьмы для бедных, — означает, что рынок труда на Западе еще не сформировался в масштабах национальных экономик даже к 1850 году. Но именно в 1850 — 1870-е гг. в сознании рабочих Запада сформировалась идея, что их благосостояние зависит от некоей невидимой руки, руки рынка¹⁸. Не исключено, что эта идея, можно сказать, и целая рыночная идеология, внедрялась в массы пролетариата самими предпринимателями и церковью. Но в «невидимую руку» рынка еще ранее уверовала буржуазия и государственная бюрократия, что подвигло элиты стран Запада к расширению общественного сектора экономики.

Так как рынок, но не ассоциации алчных владельцев фабрик, создают бедность и безработицу, в это уверовали социалисты и либералы, то государство должно развивать социальный сектор экономики и расширять свои регулирующие функции. Именно так в 1820-е гг. во Франции заявляли сен-симонисты¹⁹. Если ранее отношения между работником и работодателем устанавливал обычай и многовековые законы городских коммун, то после 1800 г. решение данной проблемы было возложено на государство. Таким образом, социальная ответственность в значительной степени была переложена с работодателя на государство, что, в частности, выразилось в создании бюджетной системы начального образования.

В целом, ложное представление западной экономической и политической мысли о рынке труда, которого до конца XIX в. не существовало в общенациональных масштабах индустриальных стран Запада, породило идея государственного вмешательства в экономику. Это можно было делать через расширение общественного сектора и развитие системы государственных пособий в сочетании с увеличением налогов. Этот путь стал определяющим для развития практически всех экономических систем Запада вплоть до нашего времени.

Summary: article is devoted to a problem of interrelation of formation of public sector and a labor market in the West in the Late Middle Ages and New time. The thesis settled in the research that transition from the communal organization of manufacture to market economy was accompanied by a decontrol of relations between employer and the worker that as a result has caused occurrence of the state social functions, as community replacements with the state structures. The labor market couldn't compensate loss in the social sphere, caused by the communities disintegration. It is proved in research that the labor market in the Western Europe has been initially deformed, therefore work in the conditions of early capitalism had low degree of efficiency.

Ключевые слова

экономическая история Запада, ранний капитализм, история труда, институциональная экономика, эволюция экономических систем

Keywords

economic history of the West, early capitalism, labour history, institutional economy, evolution of economic systems

Примечания

1. Чернов С.Д. Испанский средневековый город / Редакторы-составители: О.В. Аулов, Е.И. Щербакова – М.: 2005, с. 82 – 84.
2. Ancient laws of Ireland / Ed. W.N. Hancock, T. O'Mahony, A. G. Richey, W. M. Hennessy and R. Atkinson, text and trans. J. O'Donovan, E. O'Curry. Vols. I—VI. Dublin, 1865—1901.
3. Чернов С.Д. Испанский средневековый город / Редакторы-составители: О.В. Аулов, Е.И. Щербакова. М., 2005, с. 58 – 62.
4. Сванидзе А. А. Наемный труд и наемные работники средневековья: феодальные реформы. (Городское ремесло, Швеция. XIV–XV вв.) Экономическая история: Проблемы. Исследования. Дискуссии / Отв. ред. Ю. Н. Розалиев. М., 1993.
5. Сванидзе А.А. Поведенческие принципы в средневековой ремесленной среде и отношение к труду // Организация труда и трудовая этика: Древность. Средние века. Современность / Отв. ред. В. Л. Мальков, Л. Т. Мильская. М., 1993.
6. Polanyi K. The Great Transformation. Boston, MA: Beacon Press, 1957.
7. Брентано Л. История развития народного хозяйства Англии: В 3 т. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. III.
8. Вебер А. Б. Классовая борьба и капитализм. Рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития XIX-XX вв. М.: Наука, 1986.
9. Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. Т. 2.
10. Петряев К. Д. Курс лекций по истории Франции, Германии, Англии, Ирландии и США. Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1958. Ч. I., с. 192.
11. Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. М.: Соцэкгиз, 1937, с. 128.
12. Кожокин Е.М. История бедного капитализма. Франция XVIII – первой половины XIX века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005, с. 203.
13. Там же, с. 204.
14. Там же, с. 219.
15. Там же, с. 190.
16. Там же, с. 186.
17. Там же, с. 202.
18. Там же.
19. Там же, с. 179 – 183.